

мы будем читать мозг

brain-reading will be achieved

Давид Дубровский, Институт философии РАН.
Георгий Черкасов, МГУ имени М.В. Ломоносова.

David Dubrovsky, RAS Institute of Philosophy.
Georgii Cherkasov, Lomonosov Moscow State University.

Иллюстрация Дарьи Юн.

Illustrated by Daria Un.

Интервью с Давидом Израилевичем Дубровским, профессором, доктором философских наук, главным научным сотрудником ИФ РАН, сопредседателем Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта, автором информационного подхода к решению проблемы сознание-тело и книг «Информация, сознание, мозг» (1980), «Проблема идеального» (1983), «Проблема “сознание и мозг”: Теоретическое решение» (2015) и др. Интервью подготовил Георгий Черкасов.

An interview with David I. Dubrovsky, Professor, D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Co-chairman of the Scientific Council of the RAS on the Methodology of AI; author of the information approach to the mind-body problem and the books *Information, Consciousness, Brain* (1980), *The Problem of the Ideal* (1988), *The ‘Mind and Brain’ Problem: a Theoretical Solution* (2015), etc. The interview was prepared by Georgii Cherkasov.

Ключевые слова: проблема сознание-тело, информация, нейронаука, код, субъективная реальность, причинность, свобода воли, критика аналитической философии.

Keywords: mind-body problem, information, neuroscience, code, subjective reality, causality, free will, critique of analytic philosophy.

Для цитирования: Д.И. Дубровский, Г.В. Черкасов. “Мы будем читать мозг. Интервью с Давидом Дубровским”, *Финиковый Компот*, 2024, No. 19, с. 78–90

How to cite this article: D.I. Dubrovsky, G.V. Cherkasov. “Brain-reading Will Be Achieved. An Interview with David Dubrovsky”, *Date Palm Compote*, 2024, No. 19, pp. 78–90

Георгий Черкасов: Добрый день, Давид Израилевич, спасибо, что согласились на эту встречу.

Давид Дубровский: Добрый день, проходите.

ГЧ: Правда ли, что у Вас 10 котов?

ДД: Да, сейчас 10. Это очень интересный феномен — наблюдение за ними в контексте субъективной реальности. У каждой кошки есть неповторимая индивидуальность, характер особый.

(В сопровождении трех из десяти котов мы прошли в кабинет Давида Израилевича и продолжили беседу.)

ГЧ: А как Ваше понятие субъективной реальности соотносится с квалиа и феноменальным сознанием¹?

ДД: Квалиа — это один из небольших видов субъективной реальности, к нему накручено много всего лишнего. Это просто чувственная реальность, восприятие, ощущение, запах, ощущение красного, зеленого. Квалиа индивидуально, оригинально, но все в этом мире индивидуально и оригинально. Когда вы изучаете, допустим, муравьев, то каждый муравей уникален, а вы формируете инвариант. То есть наука имеет дело с инвариантами. Современные российские философы сознания не понимают этого, когда говорят о квалиа. Не понимают, что в мире нет абсолютно оригинального и абсолютно уникального: всякое уникальное явление имеет нечто общее с другим явлением. Это неопровержимый философский тезис. Как мы изучаем явления субъективной реальности и объективной реальности? Мы изучаем отдельные явления, но формируем подходы инварианты, проверяем их тщательно и на их основе описываем, например, муравьев или кошек. Так поступает наука. Поэтому, когда мы имеем дело с квалиа, это не загадка и тайна, это обычное явление: у тебя оно есть, у меня оно есть, и мы можем рассказать друг другу о содержании того, что мы переживаем.

ГЧ: Есть философы вроде Шопенгауэра, система которых сложилась и позже только дополнялась. Относите ли Вы себя к таким философам, и как Ваша позиция менялась со временем?

ДД: Я был самоучка, у меня не было научного руководителя. Я приехал в Донецк и там не было совсем философов. И я придумал сам свою проблему — сознание и телесное. Она имеет корни в прифронтовом опыте — тогда я несколько раз оказался в экстремальных ситуациях и передо мной ясно встала психофизическая проблема. Университет я закончил в 1952 году, там мы товарища Сталина изучали, поэтому пришлось переучиваться. Сам мучался, изобретал свою диссертацию, не имея возможности с кем-то проконсультироваться.

Как строятся знания, теории? Теория — это строгая система знаний, высшая форма научного знания. Она

Благодарю за помощь в подготовке интервью Анастасию Жудину и Вадима Васильева — *Георгий Черкасов*.

1. Анастасия Жудина высказала несколько гипотез по поводу этого вопроса [Жудина 2024].

строится так. Вы предлагаете исходные посылки, чем их меньше, тем лучше, они должны быть четко сформулированы. Затем — проблема, общепринятая формулировка для всех, для аналитической философии и так далее. Основные вопросы этой проблемы желательно выделить. Затем вы должны, исходя из ваших посылок, дать ответы на все эти вопросы. Вот это теория.

И так построена моя теория. Три исходные посылки у меня есть. Две из них — это общепринятые принципы науки. Первая: информация необходимо воплощена в своем носителе. Вторая: информация инвариантна по отношению к свойствам своего носителя. И третья посылка: явление субъективной реальности — это есть информация о чем-то. Я вижу вас, вы вызываете у меня образ, есть информация о вас. Это тоже общепринятая вещь, которую, я считаю, трудно опровергнуть. Все. И тогда, исходя из этого, я раскрываю все эти трудные вопросы. Не просто коротко, а подробно их разворачиваю. И последнее, эта теория моя открывает новые подходы к решению фундаментальной проблемы нейронауки: расшифровки мозговых кодов психических явлений.

Так вот, мне неудобно говорить, не то что я там, к этому многие подходили. Но моя теория дает методологию. А в те годы никто об этом не писал, впервые были поставлены эти проблемы. Потом я разрабатывал преимущественно методологию расшифровки мозговых кодов. Главное направление сейчас, бесспорно, в нейронауке — это проблема чтения мозга, где достигнуты колоссальные успехи.

ГЧ: Какие философы повлияли на Вас в советское время?

ДД: У нас многие философы занимались тем, что можно назвать трудной проблемой сознания. Эти имена сейчас забыты, к сожалению. На слуху Зиновьев, Ильенков, Мамардашвили. А были десятки выдающихся философов, которые внесли реальный вклад в развитие философии и которые сейчас сохраняют значение. Это Спиркин, Бирюков, Тютин, Баженов, Штофф — замечательный специалист по теории познания. Не говоря уже о таких людях, как Фролов, занимавшийся

философией биологии и один из первых, кто поставил экзистенциальную проблему в нашей литературе, Капнин (теория познания). И можно назвать еще десятка два философов, которые хоть и имеют скромные имена, но внесли реальный вклад в развитие теории познания и методологии науки.

ГЧ: Я слышал, что тогда тяжело было достать оригиналы (например Райла и Смарта) и приходилось читать критику аналитических философов в польских журналах.

ДД: Я начал изучать этих философов с начала 1970-х годов, после того, как переехал в Москву в 1971 году. Начал читать в «Ленинке», до этого только слышал о них, поскольку об этом писали, но работ не читал. А с 72–73-х годов я начал вникать, читать по-английски, по-русски не было. И критиковал: в 74–75-х годах я напечатал несколько статей с критикой этих философов в журнале «Философские науки», эти статьи потом в расширенном виде вошли в мою книгу [Дубровский 1980].

ГЧ: Какие работы для Вас тогда были интересны?

ДД: Интересно было читать Джозефа Марголиса, он писал о проблеме сознания, проблеме человек-животное. Он сам меня нашел, когда американцы приезжали к нам, мы с ним общались и обсуждали многие проблемы. Он занимал позицию эмерджентного материализма, это концепция, близкая к диалектическому материализму. У меня была его книга, она произвела на меня большое впечатление.

Больше всего я читал нейрофизиологические работы. Антонио Дамасио — выдающийся ученый, один из самых крупных специалистов в области проблемы Я, т.е. связи Я и мозговых процессов. Это у него «самость» называется. Он выделяет Я генетическое, у всех уникальное, и Я биографическое — биография записана у вас в мозгу. Ему очень понравилась моя статья «Теоретическая проблема расшифровки кода», он ее перевел, написал предисловие и опубликовал в американском журнале. Позже, в новые времена, в перестройку, в издательстве «Прогресс», выпускавшем иностранную

литературу, перевели на английский язык мою книгу [Дубровский 1985], [Dubrovsky 1988].

ГЧ: Вас тогда еще в Венгрию приглашали?

ДД: Да, с этой книгой ознакомился президент Венгерской Академии наук Янош Сентаготаи. Ему нравилась моя концепция, он меня поддерживал и пытался организовать в Венгрии специальное обсуждение моей теории, где-то в 1982–1984 годах. Он прислал приглашение в МГУ на симпозиум, специально посвященный обсуждению моей теории. Меня мурыжили полгода и не выпускали. Сентаготаи трижды приглашал разных специалистов и пытался организовать симпозиум, а меня не выпускали. Это была очень большая обида на меня.

С этой же книгой ознакомился и нейрофизиолог Роджер Сперри, открыватель функциональной асимметрии мозга, лауреат Нобелевской премии — великий ученый. И тоже поддержал мою концепцию. Я тогда организовал сборник, который вышел в 1994 году [Дубровский и др. 1994]. Написал письмо и попросил его прислать свою статью. Конечно, не имея ни малейшей надежды, понимая, что он занят. Прошло 2 месяца примерно, может чуть больше. И Сперри присылает мне свою статью. Мы, конечно, перевели эту статью. Я ему написал большую благодарность за это. И тут наступили эти времена, 90-е годы, когда закрыли и сократили издательства. И сборник лежал три года в издательстве. Но я его пробил, все-таки издали, и послал его Сперри. И оказалось, что он буквально месяц назад умер. Это была замечательная, очень глубокая философская статья.

После этого я 30 лет не делал никаких попыток зарубежных контактов. Дальше ситуация так развивалась. Журнал высшей нервной деятельности, наш главный журнал нейронаучный, перевел без моего ведома мою статью и опубликовал в зарубежном журнале [Дубровский 2017], [Dubrovsky 2019a]. Я получил вдруг 15–20 писем от разных нейронаучных журналов. Суть в дефиците теоретического осмысления проблем нейронауки: идет колоссальный поток экспериментов, но КПД этого невысокий, потому что нет методологии и

осмысления. Один журнал AIMS Neuroscience обратился ко мне дважды. И я послал туда статью [Dubrovsky 2019b], это оказался ведущий журнал по нейронауке. Они ее быстро напечатали. И, к моему величайшему удивлению, ко мне обрушился шквал отзывов, постоянно приходят приглашения из разных городов мира выступить пленарным докладчиком, но я от всех отказываюсь.

ГЧ: А можете еще выделить несколько книг/статей философов сознания?

ДД: Из чистых философов работы Нагеля произвели на меня очень хорошее впечатление, стимулировали мое размышление. Я ему обязан, хотя многое было и до него. У него четко показано, что провал в объяснении (это в общем-то его термин) вызван несоответствием двух языков, что между двумя языками нет прямых логических связей, что требуется концептуальный мост. Можно описывать и явления субъективной реальности, и мозговые коды, мозговые эквиваленты, и отсюда расшифровку кодов.

Читал и Сёрла, Деннета, Чалмерса, Малькольма, Дэвидсона. Работа Фейгла была мне очень интересна. Как и другие члены Венского кружка, он был крайним физикалистом, и вместе с тем у них доминировала чисто ментальная сторона. Логический позитивизм базировался на теоретико-познавательной установке: все явления сознания, ментальные явления описываются физически, но чисто в эпистемологическом плане. Они отрицали онтологическую сторону, реальность психических процессов. Физические процессы были представлены эпистемологически как наши мысли, знания. Кроме того, все науки (и психология) должны быть отраслью физики. Затем возник постпозитивизм — новый этап в развитии аналитической философии. Если позитивисты отрицали всякую метафизику, то постпозитивистское движение, представленное Армстронгом, Смартсом, Фейглом, реабилитировало онтологическую и метафизическую проблематику: мышление это реальный процесс.

ГЧ: Как Вам чтение Дэниэла Деннета и Дэвида

Чалмерса?

ДД: Деннета я не очень любил, хотя книги его читал. Он был радикальный бихевиорист, функционалист, который объективировал ментальные процессы. Для него субъективное не существует, это все — фикции. Субъективная реальность, ментальное отрицается, есть только бихевиорально-функциональные выражения, нашего Я не существует. Недавно читал Томаса Метцингера, он тоже пишет, что Я — это фикция. Но *он* считает это, *его* Я считает это: что Я — фикция! Если он говорит, что Я это фикция, то как *он* может утверждать что-то, иметь какие-то убеждения, критиковать кого-то?

Работы Чалмерса и его «Сознающий ум» я внимательно читал. У него был такой несколько расхлыстаный стиль работы: и это, и это, и это, он десять раз менял свои позиции, пять теорий за последнее время. Начинает и бросает, это сказывается на теории, это не теория, в лучшем случае концепция. Вот у него был информационный подход, была эта идея, но спустя 40 лет после меня. У меня был четко разработанный этот подход, когда Чалмерса не было на свете. А когда ему было 5 лет, вышла вот эта книжка [Дубровский 1971]. Потом был натуралистический дуализм. Это что такое? Должна быть единая теория, а не то и другое. Закончилось это развитие панпсихизмом: постулатом, что психические явления органически включены в любой физический процесс — у камня есть психика. Если вы этот постулат принимаете, то можете объяснить все, что угодно. Его не принимает никто из здравомыслящих ученых и философов, занимающих материалистическую позицию: нет Бога, нет духовной субстанции особой. Это все — детский лепет, давно уже, 100–200 лет назад серьезно не принималось философами, потому что это сразу снимает все проблемы. Нет проблемы: если в любом физическом процессе есть психическое, то где же проблема? В нейронах есть психические процессы, в камне, в пальце, где угодно. Это первое.

Во-вторых, его подход поверхностный, нет никакой глубины, разработки теоретической: одно, другое, идея. Так эта идея требует разверстки, разработки. Вот приписывают ему трудную проблему сознания. Но срав-

ните то, что он пишет, и возьмите цитату Палова, они одинаковые. Но и сам Васильев говорит, что он видел трудную проблему сознания и у Сёрла, и даже у Декарта, и у многих других. Никакого открытия у Чалмерса нет.

Но, как он описывает, можно выделить, скажем, трудную проблему сознания, теоретическую. Или легкую, допустим: как связана ваша боль, ощущение боли, или образ ваш с вашей речью. Это легкая проблема, они исследуются более основательно. Но, чтобы глубже понять связь, допустим, образа вашего и речи вашей, чтобы это основательно понять, нужно глубоко осмыслить эту связь. И здесь сразу же мы видим ограниченность нашего описания образа, что требуется более глубокое его описание. То, что, скажем, в легкой проблеме обозначается, это поверхностные вещи. А чтобы более глубоко описать, мы должны вернуться к трудной проблеме сознания.

ГЧ: Дэвид Чалмерс Вам написал, что имеет симпатии к понятию информации, которое Вы используете, но скептичен к тому, что оно закрывает провал в объяснении. Вы ответили ему в статье [Дубровский 2007], где утверждали, что информационные процессы не являются аккомпанементом субъективным переживаниям, «ощущение красного и есть информация как таковая». Как это закрывает провал в объяснении?

ДД: Провал в объяснении у Томаса Нагеля хорошо показан, и в моей статье это подробно разбирается [Дубровский 2002]. Имеется два разных языка, между которыми нет логической связи: между описанием содержания чего-то, ценности чего-то и описанием мозговых процессов, отношения между нейронами. Это два разных типа научного описания, два разных языка. И проблема в том, как совершить переход от одного к другому. Нужен концептуальный мост между этими языками, способами описания. И вот его нужно найти.

Я нашел — информация, это удобный концептуальный мост. Почему? Потому что информация допускает описание не только синтаксическое, а семантическое, то есть по содержанию, и прагматическое, по смыслу, ценности, цели. Вполне адекватное описание. Но,

с другой стороны, информация необходима во всех наших носителях, и она требует описания на языке нейронауки через всякие спайки, нервные процессы, нервные сети и так далее. Как расшифровка кода происходит: когда вы нечто переживаете, отводят сигналы, создают подходящую нейрокомпьютерную связь, это требует специальной работы, но это делается на каждом шагу и уже очень хорошо. И таким путем мы видим, что когда вы переживаете какой-то образ, у вас возникает вот такой-то мозговой процесс. Это нейродинамическая система, которая хорошо описывается сейчас нейронаукой. И она — нейродинамический эквивалент некоего субъективного состояния. Вообще эта проблематика — brain-reading, расшифровка кодов. Сами специалисты по нейронауке говорят, что именно это направление является главным сейчас в нейронауке. Это не мое утверждение, а цитаты выдающихся специалистов. Того же Вилейанура Рамачандрана почитайте.

ГЧ: Расскажите о встрече с Дэвидом Чалмерсом.

ДД: Один раз встретился с ним на конференции по когнитивной науке, слушал его доклад, в кулуарах поговорили. Потом он дважды приезжал на факультет, выступал с докладами, меня публично хвалил. Он человек искренний, яркий, веселый. Талантливый человек, способный, нельзя этого отнять. В ресторан ходили, выпивали вместе, беседовали, хороший в общем-то мужик. Поэтому лично я к нему питаю добрые чувства. И он мне понятен своей эмоциональностью, открытостью, легкостью и воспарением мысли, есть такой тип людей.

ГЧ: Почему Вы называете аргумент зомби физикалистской интенцией и клише эпифеноменализма? Как Вы относитесь к мысленным экспериментам как методу?

ДД: Есть машина Тьюринга, она формализует умственные операции и дает ответы. Это сугубо логические, ограниченные структуры мышления, которые очень далеки от реальных наших мыслительных процессов. Вот, скажем, если мы могли бы ограничить

мышление машиной Тьюринга, тогда, конечно, можно было бы признать зомби, что зомби возможны, они как мы, и мы тоже зомби, мыслим как машины.

На самом деле методология Тьюринга ограничена. У меня очень важное такое событие было. Мой аспирант Альберт Ефимов был вице-президентом Сбербанка и директором всего технологического направления Сбербанка, самого крупного в России по искусственному интеллекту. Он вдруг решил заняться методологией, пришел ко мне и стал моим аспирантом в Институте философии. Он сам — крупнейший специалист по робототехнике. Сначала создал в Сколково отделение робототехники, потом его переманил Сбербанк и он там создал «Елену». Это робот, ведущая по телевидению, которая ничем не отличается от человека. Он промоделировал многие коммуникативные аспекты, раньше недоступные, а именно: выражение глаз, интонации речи, мимику, жесты, вот все эти лингвистические формы коммуникации, без которых нет идентификации человека, он промоделировал великолепно. И эта его Елена, она ничем не отличается: вы не различите, человек это или нет.

Он создал посттьюринговую методологию. То есть методологию, которая учитывает реальные свойства сознания и позволяет моделировать на новом этапе мыслительную деятельность, расширять горизонт искусственного интеллекта. Так вот там он со своей позиции видит главное препятствие в том, что мы не можем описать и выразить многие реальные свойства субъективной реальности в сознании.

И поэтому зомби невозможен. То, что мы называем зомби (то, что они называют зомби), это некий *экстракт* человеческих свойств, ограниченный, в основном логического плана, где исключаются многие реальные свойства нашего мышления. Феноменология моя описывает эти свойства, которые не поддаются моделированию. Весь диапазон вот этих вот субъективных реальностей — он сложный. Если бы мы могли такую машину создать, тогда был бы зомби. А поскольку то, что называют зомби сейчас, это узкий диапазон логических скомпонованных процессов, то зомби невозможны.

(Здесь я задал Д.И. 3 вопроса про аргумент зомби, ответы на них вошли в основную подборку этого номера. После этого мы взяли небольшой перерыв, во время которого Д.И. поведал о трех секретах своего долголетия: (1) экзистенциальные потрясения на фронте, которые мотивировали Д.И. заняться проблемой сознание-мозг. Был контужен и получил ушиб позвоночника. (2) Выкарабкался из болезни — туберкулез легких и позвоночника. (3) Карате, которым Д.И. занимался больше 45 лет. Далее Д.И. рассказал о важной части своей жизни — восточных единоборствах.)

ДД: Я стажировался в Китае, в Шаолине. Получил черный пояс у японцев, 3 дан. И создал центр изучения восточных единоборств при Философском обществе. Я организовал отделения во всех республиках, в крупных городах. Мы устраивали показательные выступления, литературу издавали, и у меня есть работа о философских аспектах восточных единоборств. Это все было запрещено в это время, за это давали 5 лет, и меня вызывали в прокуратуру...

У нас стиль — континуальный, благородный, не то, что бах-бах. Принципы следующие. Первыми не бьют, скромность духа. Лучшая победа — это когда вы просто расходитесь, не бьете. Бить — это всегда проблема большая. Но когда противник вас атакует, у него получается дыра. Карате — это Дао, путь, это важно для мироощущения.

(Несмотря на долгое интервью, у Д.И. было много сил, чего нельзя было сказать обо мне. Д.И. попросил атаковать его, быстро отмахнул мой удар и ударил в ответ в том месте, где у меня возникла дыра. Также Д.И. показал удар двумя пальцами и прием «перевернутый кулак». После этого мы продолжили интервью.)

ГЧ: Когда Вы критикуете Васильева, Вы приводите отрывки, где Вадим Валерьевич использует понятие супервентности [Дубровский 2011]. Почему Вы не

используете это понятие в своих работах? Супервентно ли сознание на мозге?

ДД: Супервентность — это неудовлетворительное в теоретическом смысле понятие, на которое вы все опираетесь. Вот возьмем субъективную реальность и расшифровку кодов, мы видим, что ментальные явления имеют свой эквивалент. Но этот эквивалент не является супервентным по отношению к ментальности в силу инвариантности информации по отношению к свойствам своего носителя. К тому же это жесткая вещь — супервентность: одно представлено другим, другое не представлено первым. Обычно эти отношения не являются столь жесткими в реальной науке. Поскольку когда расшифровывают коды, указывают на некоторую часть нервных процессов, которая однозначна и одновременна. Здесь нужно рассмотреть отношение информации и ее носителя. Я показал, что субъективная реальность и мозговой процесс в данном интервале являются однопричинными, это функциональная связь. В силу того, что они однопричинны, они одновременны. И они взаимно-однозначно соответствуют друг другу. Кажется, что это супервентность, вроде бы. Но на самом деле эта вторая сторона, нейрофизиологическая, может быть несколько иной и тоже может отвечать данному явлению субъективной реальности. Здесь идет речь только об одновременивости в этом интервале, но не в другом. А супервентность означает не только сейчас, а всегда: одно всегда соответствует другому.

Есть другие возражения к супервентности, они у меня описаны в ряде работ. Все эти сугубо логические вещи оторваны совершенно от реальных нейронаучных данных, которые являются истинными, признаны истинными. Если вы говорите не просто о супервентности вообще, логической операции, а о супервентности сознания и мозговых процессов, то извините — здесь нет такой жесткости, ибо в разные интервалы очень многое меняется. Субъективной реальности может соответствовать разное, в следующую секунду будет все другое. И в описании мозговых процессов фиксируются процессы очень широкие, потом выделяется какое-то ядро, которое отвечает, а более

широкое или рядом стоящее не отвечает. Я на пальцах показываю, это вообще надо научно более долго объяснять. В силу этого принцип супервентности, когда речь идет о сознании и мозге, неадекватен.

ГЧ: Вы выделяете особый тип причинности — информационную. И считаете, что она не противоречит физической причинности. Означает ли это каузальную замкнутость физического, то есть тезис «все физическое имеет физическое объяснение»?

ДД: Это тип причинности, отличающийся от физической причинности. При наличии физической причинности следствия однозначно и строго определяются исключительно массой, энергией и пространственно-временными отношениями. При информационной причинности не отрицается наличие физического носителя, но причиной является не физический носитель, а его свойство, наличие кодовой зависимости. Информационная причинность основана на образовании кодовой зависимости, которая вырабатывается как в эволюции, так и в обыденной жизни. Вы изучаете язык, возникает кодовая зависимость: «мама», «a table», и вы сразу знаете, что это такое, расшифровываете, понимаете это. У вас сложилась кодовая зависимость, и она сразу определяет суть информации, информационный контент.

Когда мы говорим о причинной связи, нас интересует не только причина, но и следствие. Наиболее важно для нас следствие. Когда мы имеем чистую физическую причинность, там следствие однозначно определяется массой, энергией и пространственно-временными свойствами носителя. Когда мы имеем информационную причинность, там все обстоит по-другому, в силу принципа инвариантности информации по отношению к свойствам своего носителя. То есть одна и та же информация может быть представлена самыми разными по своим свойствам носителями в силу сложившейся кодовой зависимости. Ментальная причинность — есть вид информационной причинности. Ментальная причина может действовать на мое тело. Информационная причинность не отрицает физическую причинность, не отрицает ее в целом, во всех сферах жизни. Не отрица-

ется и наличие физического носителя, но он не определяет причину, а это имеет принципиальное значение. Здесь имеет место новый тип научного объяснения, связанный с парадигмой функционализма, который вводит новый принцип, а именно — принцип изофункционализма систем: одна и та же функция может быть передана разными носителями. Это онтологический аспект, а есть еще гносеологический, который заключается в том, что описание функциональных отношений нередуцируемо к описанию физических отношений.

ГЧ: Почему Вы не принимаете разделение сознания доступа и феноменального сознания? Это как-то связано с теорией отражения Ленина?

ДД: Как же не принимаю, если у меня есть работы по феноменологии сознания? Есть то, что вы можете рефлексировать и объяснить, и то, что вы не можете объяснить прямо, но это доступно анализу, феноменалистскому анализу. Например, фундаментальное двуединство отображения объекта и отображения себя. К Ленину это отношения не имеет. Я не привязан к теории. Есть проблема, которая вами и всем научным сообществом признается. Все принимают формулировку и выражение этой проблемы. Есть возможность теоретического объяснения, которое необходимо. Вот моя статья, вызвавшая бум, так и называется: «Трудная проблема сознания: теоретическое решение» [Dubrovsky 2019b].

ГЧ: В споре с Ильенковым Вы критикуете его утверждение, что социальные факторы не на 99%, а на 100% определяют личность. Вы указываете на ведущую роль генетических факторов, но при этом замечаете, что общество все же играет какую-то роль. Какова эта роль?

ДД: Ильенковцы приписывали мне, что я отрицаю социальное влияние, биологизатором называли. Для меня $2 \times 2 = 4$, что образование, воспитание, социальные факторы имеют огромное значение в формировании личности. Но нужно учитывать при этом, когда мы решаем проблему формирования личности,

генетические факторы. Они задают некоторую индивидуальность, уникальность, неповторимость каждой личности, и в этом есть высокая ценность. У Ильенкова выходит, что все одинаковы от рождения (если у человека нормальный, здоровый мозг).

Я подчеркиваю, что при воспитании и формировании личности необходимо учитывать генетические факторы, склонности человека, способности, темперамент, характер. Иначе как можно человека воспитывать, если вы не знаете его врожденных свойств? Их надо учитывать, их нельзя изменить.

ГЧ: Если личностные характеристики (характер, темперамент, убеждения) воплощены в мозге, то представление о свободе воли тоже воплощено в мозге. Если все воплощено в мозге, то что такое свобода? Также Вы говорите, что отрицание свободы воли — абсурд. Считаете ли Вы, что свобода воли совместима с детерминизмом (позиция компатибилизма)?

ДД: Если вы говорите, что свобода воли есть, это не означает, что все мои действия являются свободными. Для признания свободы воли достаточно сказать, что в ряде отношений я поступаю по своей воле, а не по чужой, не по каким-то причинно-следственным связям. Отрицание свободы воли означает, во-первых, утверждение, что все наши действия предопределены, они являются результатом длинной цепи причин и следствий, которые мы не знаем, но которые существуют. А это означает, что ваше действие, когда вы спрашиваете у меня о свободе воли, предопределено еще Большим взрывом. Но это полная ерунда.

Во-вторых, отрицание свободы воли есть отрицание достоинства человека, его творческой способности. Если нет свободы воли, то вы — марионетка. Это не ваше все личное, к тому же еще вы не отвечаете за свои действия, все же предопределено — что угодно можете делать, и вы ни за что не отвечаете.

Поэтому отрицание свободы воли ведет ко множеству абсурдных утверждений, которые вы вынуждены защищать. И по существу это неправильно, ибо личный опыт человека, его биография очень важны. В ряде отношений должны быть альтернативы — он может

так поступить и так, но он думал, колебался, выбирал нещадно. Вот я помню, когда мне предложили должность профессора Бостонского университета с зарплатой \$6000, а я был нищий и нужно было помогать семье, я очень колебался. Но потом подумал, что я свободный человек, мне не нужны эксперименты, обобщение, я теоретик, сотрудничаю с учеными и мне этого достаточно. И я очень счастлив, что отказался от всего этого.

ГЧ: Как конкретно Вы представляете операцию расшифровки мозговых кодов? Смотреть, что происходит в мозге при восприятии стимула, а потом сопоставлять данные? И благодаря этому мы сможем заглядывать в чужой мозг и узнавать, о чем человек думает?

ДД: Мы можем узнать, и сейчас узнаём, о чем человек думает. Полиграфы, например, определяют, врете вы или нет. Есть выдающиеся достижения, допустим, работы Эдриана Оуэна (Adrian Owen), который доказал, что человек в вегетативном состоянии обладает сознанием. Одна женщина, теннисистка, попала в аварию и 5 месяцев лежала в коме, никаких внешних проявлений не было. У него было предположение, что она слышит. Он сказал: «Представьте, что вы сейчас играете в теннис». И записывает ее мозговые процессы на МРТ. Это же спрашивает у другого человека. Получаются очень сходные томограммы. Далее говорит: «Представьте, что Вы проходите по комнатам своей квартиры». «А теперь я буду Вам вопросы задавать и когда Вы хотите сказать “да”, Вы будете представлять, что Вы играете в теннис. А если “нет”, то Вы представьте, что проходите по комнатам квартиры». И оказалось, что она правильно отвечает на вопросы: «Есть ли у Вас брат?» — «Да» (представляет, что она играет в теннис). Это был сильный аргумент в сторону чтения мозга, но это было давно уже. Также сделали, что человек мысленно управляет курсором мыши, коляской. А в 2023 году у Маска, в Neuralink, создали систему, интерфейс мозг-компьютер, где мыслью управляют роботом, техническим устройством. Лет 15 назад японцы и американцы сделали так, что вы смотрите на какую-то картину, отводят сигналы от мозга на компьютер, и на компьютере

возникает картина, которую вы субъективно переживаете в данный момент. Лет 5 назад сделали следующее: вы мысленно про себя читаете текст из 50 слов, отводят сигналы, и компьютер печатает этот текст. В медицине эти результаты способствуют лечению психических и нервных болезней (Рамачандран).

ГЧ: В [Дубровский 2009] Вы пишете о том, как Вам мешали защитить докторскую диссертацию, о противостоянии с ильенковцами, о давлении на редакцию журнала, в котором Вы работали. А как Вы оцениваете состояние современного российского философского сообщества?

ДД: Сейчас в философии нет коммуникации: каждый сидит в своем гнездышке и чирикает свое. Не интересно другое, тем более другое требует внимания, времени, анализа. Поэтому ситуация в философии сейчас скучная. Все сидят в своих теоретических клише, привычных, удобных, правдоподобных клише. В общем тоска такая, для меня. Я привык к некоторым критериям — должны быть какие-то идеи, свои идеи. Не должна быть заикленность в своих клише. Вот они сидят в своей аналитической философии. Последние лет 70 занимаются проблемой, которая меня интересует: mind-brain, mind-body. И с тех пор, за последние 70 лет, нет у них решения трудной проблемы сознания, нет никакого движения. Кроме того, аналитические философы судят о сознании, о квалиа, но к себе они этого не относят. Я это называю феноменом отрешенности от себя. Типичная ошибка, пробел, недостаток теоретика. Если ты что-то говоришь о сознании вообще, то ты должен относить это и к себе самому.

ГЧ: В [Дубровский 1980] Вы критикуете философов от Райла до Нагеля. В [Дубровский 2011] Вы критикуете Сёрла, Деннета и Чалмерса. Но такая критика вполне уместна внутри аналитической философии. Тем не менее иногда Вы высказываете неодобрение к аналитической традиции в целом. Является ли это неодобрение принципиальным, т.е. касающимся методов аналитической философии? Или это ближе к внутренней критике отдельных теорий?

ДД: Опыт аналитической философии очень полезен. В ней были самые разные представители, начиная с Рассела. Аналитическая философия, особенно на первом этапе, внесла большой вклад в разработку эпистемологических проблем. Но это были не те, кто занимался «mind-body problem», а те, кто занимались проблематикой языка, теории познания.

И, конечно, в аналитической традиции были многие выдающиеся специалисты. В том числе я считаю, что Нагель — выдающийся специалист, у которого я многое взял, даже поучился у него. В статье [Дубровский 2002] я прямо говорю, что он четко поставил суть проблемы, как надо ее решить. Я шел по этим стопам и фактически выполнил его требования. Вот так одним махом нельзя отбрасывать аналитическую философию, есть очень много полезного и большое разнообразие вопросов, большое число крупных специалистов.

Я считаю большой заслугой В.В. Васильева, и я об этом много раз говорил, что он ввел на философский факультет изучение аналитической философии. Философ должен хорошо знать это направление, использовать опыт этого направления. Даже для меня — это был стимул, стимул размышлений, когда я читал этих философов, осмыслял их решения, находил всякие противоречия, все недостатки. Это тоже был стимул для моей работы. Так что В.В. Васильев был инициатором, и его заслуга в том, что он ввел изучение аналитической философии на философском факультете МГУ. Но одно дело, скажем, — изучение этой философии, другое дело, когда некоторые ученики сидят в этой структуре. Она удобная, эта структура.

Аналитическая философия — это сложная структура, там есть ряд выдающихся, крупных специалистов, которые внесли вклад в теорию познания, лингвистику и в другие области, близкие к философии. Но главная проблема — это трудная проблема сознания. Васильев ее приписывает Чалмерсу, что он ее открыл. Но это ведь чушь собачья — смешно. Он сам потом в своей книге [Васильев 2009] критикует Чалмерса, сильно критикует.

По многим пунктам они находятся на уровне 50 лет назад. Они не понимают до сих пор парадигмы функ-

ционализма. Была парадигма физикализма и она доминировала до XVIII века включительно, когда считалось, что все причины являются физическими, любое научное объяснение — это физическое объяснение. В конце XIX века и в начале XX века появилась новая парадигма, парадигма функционализма, которая существенно отличается от парадигмы физикализма. Чем? Принципом изофункционализма систем, когда любая функция может быть воспроизведена на любых по своим физическим свойствам носителях. Отсюда второй принцип — принцип инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителей. Одна и та же информация кодируется по-разному. Простой пример, я говорю: подойдите ко мне. И вы подходите ко мне. Так что вызвало ваше действие? Физическое свойство сигнала или что-то другое? Информация, именно полученная информация определила ваше действие, то есть следствие.

ГЧ: А почему Вы не причисляете себя к аналитическим философам?

ДД: Они все сидят в структуре этой философии, концептуально в ней замкнуты. А я ее видал в гробу, в белых тапочках. У меня есть проблема, которую все признают, я ее и решаю.

ГЧ: Вы часто указываете на то, что философия должна быть максимально научной и практико-ориентированной. Какая роль отдается философии, она должна объяснять науку или должна где-то заканчиваться и уступать место науке?

ДД: Нет, она не должна заканчиваться. Дело в том, что это научная проблема имеет принципиальное значение для философской проблемы, для понимания субъективной реальности, ее в связи с материальными процессами и так далее. Вот что важно. Для меня теория должна быть обоснована. Я слишком много наслушался всяких философских разговоров и текстов начитался. КПД огромного большинства из них близок к 0 — пустая болтовня. Все хотят выделиться, себя показать в изобретении чего-то нового, в этом нет следов серьезного обоснованного знания.

У многих аналитических философов нет связи с наукой. А чтобы была связь, нужно изучать эти вещи. Нейронаука сейчас открывает столько новых, принципиальных и важнейших вещей для проблемы сознания, для проблемы человека. Так как вообще можно уйти от всего этого? Вы обязаны следить и соотносить свои концепции с какими-то результатами научного познания.

ГЧ: Есть ли такие философские проблемы, которыми Вы не занимались, но, если бы дела обстояли иначе, Вы бы за них взялись (или о которых Вы размышляли, но никогда не писали)?

ДД: Эстетический пример: изображена на картине художника прекрасная рука женщины. Фильтр нашего восприятия совсем в небольшом диапазоне. Но давайте увеличим наше восприятие с помощью микроскопа хотя бы в 100 раз. И мы увидим синие узлы, черные волосы — отвратительное зрелище. Поэтому даже эстетические наши принципы и понятия обусловлены нашей биологической природой.

Я мало этим занимался, но для меня всегда была важна экзистенциальная проблема сознания, о совершенствовании человека, самопознании. Это проблема смысла жизни, смысла нашей деятельности. Наиболее важные экзистенциальные ценности биологически обусловлены. Вообще самые наши главные ценности — какие? Жизнь, смерть, здоровье, семья, дети, любовь, дружба. Все эти высшие ценности биологически обусловлены.

Скажем, смысл нашей цивилизации в чем? Чтобы больше потреблять, производить? Чем больше ресурсов, чем больше конфликтов? Это же абсурд полный. Сейчас нарушены и логические принципы, здравый смысл. Мы видим глобальный кризис земной цивилизации, нарастание абсурда, конфликтов, движение к гибели.

ГЧ: Считаете ли Вы тогда себя пессимистом?

ДД: Нет, я считаю, что философ обязан — это его нравственный интеллектуальный долг — поддерживать веру в творческие возможности разума, веру в возмож-

ности решения проблем. В ходе эволюции решались самые трудные проблемы. И, скажем, в истории цивилизации мы видели много таких форм приспособления: как решение значительных, сложных проблем, так и нарастание этих проблем. Сейчас, если мы хотим выжить, нам необходимо поддерживать веру в решение проблем, и на это есть основания.

Более глубокая проблема — антропологическая проблема, антропологический кризис, кризис человека. В природе человека мы видим как хорошие качества, альтруистические, так и негативные. А именно: чрезмерная потребительность, агрессивность к себе подобным (войны) и эгоистическое своеволие. А природа человека не изменилась, она имеет биологическую обусловленность. Она характерна для всех народов, всех эпох и всех общественных устройств. И это легко проследить.

У меня есть ряд работ с анализом психологии людей древнего Египта, Вавилона, Древней Греции и Древнего Рима. Почитайте хотя бы книгу Теофраста, писавшего 2300 лет назад, она называется «Характеры». Вы найдете массу своих знакомых: те же особенности, те же привычки, те же типы деятельности. Мне всегда особенно интересен был Рим. Многие годы я изучаю эпоху цезарей. Вообще история для философа — совершенно необходимый аспект развития. История и поэзия, между прочим. История, потому что она показывает опыт, весь ассортимент homo sapiens.

ГЧ: А что Вам нравится в искусстве, живописи, литературе?

ДД: Я очень люблю поэзию и считаю, что великая поэзия — это мощнейший стимул философского мышления. Потому что поэзия не скована клише, пересекает все жесткие альтернативы, создает в своих ассоциациях, метафорах совершенно новые планы мироощущения и мышления. Она особенно остро ставит экзистенциальные проблемы.

(Здесь Д.И. прочитал наизусть стихотворения «За чем крутится ветер в овраге», «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит» Александра Пушкина.)

Люблю немецких поэтов XVII века, Андреаса Грифиуса, например.

(Здесь Д.И. прочитал 5 строчек из «Заблудших» Грифиуса.)

В последнее время — Бродский. Тютчев еще, потрясающие стихи о жизни, смерти, смысле жизни. Мандельштам еще, крайне разнообразный, очень глубокий и непонятный для многих поэт.

(Д.И. прочитал первую строфу «Сохрани мою речь навсегда».)

— По поводу этого стихотворения есть 17 статей. Это надо расшифровать все эти немыслимые ассоциации, не имеющие реального однозначного определения. Это фантастика, настолько оригинальный поэт, его поэзия просветляет мозги. Возникает новый диапазон мыслительной работы. Это все важно для философа, потому что философия — это не просто логическая вещь, это живая мысль, которая не может быть скована оковами жесткой логики. Я уважаю логику, она существенна, но она не является единственным средством мышления и познания. Поэзия иногда раздвигает эти границы и клише. Ключевая проблема в философии — это экзистенциальная проблематика.

ГЧ: Вы слушаете музыку?

ДД: Я люблю музыку. Бах, конечно, Бетховен, Моцарт. Но, к сожалению, обычно не хватает времени.

ГЧ: Можете дать совет молодым философам? Какие академические добродетели Вы находите важными?

ДД: Честность, скромность духа и работоспособность. Самое главное — интеллектуальная честность и искренность в научном общении. Еще — умение рефлексировать ограниченность познания и собственную ограниченность.

Москва, 28.11.24

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Dubrovsky 1988 — D.I. Dubrovsky. *The Problem of the Ideal: The Nature of Mind and Its Relationship to the Brain and Social Medium*. Moscow: Progress Publishers. 1988.
2. Dubrovsky 2019a — D.I. Dubrovsky. “The Problem of Free Will and Modern Neuroscience”, *Neuroscience and Behavioral Physiology*, 2019, Vol. 49, pp. 629–639.
3. Dubrovsky 2019b — D.I. Dubrovsky. “The Hard Problem of Consciousness. Theoretical Solution of Its Main Questions”, *AIMS neuroscience*, 2019, Vol 6, No. 2, pp. 85–103.
4. Васильев 2009 — В.В. Васильев. *Трудная проблема сознания*. М.: Прогресс-Традиция. 2009.
5. Дубровский 1971 — Д.И. Дубровский. *Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики*. М.: Наука. 1971.
6. Дубровский 1980 — Д.И. Дубровский. *Информация, сознание, мозг*. М.: Высшая школа. 1980.
7. Дубровский 1983 — Д.И. Дубровский. *Проблема идеального*. М.: Мысль. 1983.
8. Дубровский и др. 1994 — Д.И. Дубровский (отв. ред.). *Мозг и разум*. М.: Наука. 1994.
9. Дубровский 2002 — Д.И. Дубровский. “Проблема духа и тела: возможности решения (В связи со статьей Т. Нагеля «Мыслимость невозможного и проблема духа и тела»)”, *Вопросы философии*, 2002, No. 10, с. 92–107.
10. Дубровский 2007 — Д.И. Дубровский. “Зачем субъективная реальность, или «почему информационные процессы не идут в темноте» (ответ Д. Чалмерсу)”, *Вопросы философии*, 2007, No. 3, с. 90–104.
11. Дубровский 2009 — Д.И. Дубровский. *Воспоминания*. М.: Канон +, 2009.
12. Дубровский 2011 — Д.И. Дубровский “«Трудная» проблема сознания (в связи с книгой В.В. Васильева)”, *Вопросы философии*, 2011, No. 9, с. 136–148.
13. Дубровский 2017 — Д.И. Дубровский. “Проблема свободы воли и современная нейронаука”, *Журнал высшей нервной деятельности*, 2017, Т. 67, No. 6, с. 875–890.
14. Жудина 2024 — А.А. Жудина. “Информационные концепции сознания Д.И. Дубровского и Д. Чалмерса”, *Философский журнал / Philosophy Journal*, 2024, Т. 17, No. 3, с. 135–149.